

АНАЛИЗ ЭПИЗОДА ИЗ РОМАНА Б.А. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Философский роман Пастернака «Доктор Живаго» не случайно был выбран нами для небольшого исследования, ведь в нем затронута поистине важная и одновременно очень трепетная тема – тема судьбы целого поколения людей, которым неизбежно пришлось пережить ужасные годы революции и гражданской войны. Центральным персонажем в романе становится Юрия Живаго – человек творческий, философски осмысливающий окружающую действительность (примечательно, что роман начинается сценой похорон матери Живаго, а заканчивается описанием похорон главного героя – перед нашими глазами проходит судьба целого поколения).

Особую значимость представляет конкретный эпизод в романе, который обозначен как восьмая глава четырнадцатой части «Опять в Варыкине». Одна из основных тем романа – тема любви. Главных героев – Юрия Живаго и Лару – разделяют расстояния и социальное положение, но им просто суждено встретиться. В восьмой главе Пастернак показывает, как нежно и тепло Юрий относится к Ларе. Он не выражает этого, но «воспринимает все совершившееся сквозь пелену разнеженного и всеобъемлющего внимания». Этот период жизни в Варыкине вместе с Ларой и Катенькой действительно много значит для Живаго, ведь когда Юрию удалось бежать из партизанского отряда (в плену у партизан он провёл более года), он вернулся в Юрятин, где надеялся найти хоть что-то, что поможет ему выяснить любую информацию о Ларе. Услышав о появлении Юрия в окрестностях, Лара решает забрать дочку Катеньку и уехать в пустующее Варыкино, чтобы дожидаться Живаго именно там. Теперь они живут вместе, и в 8 главе писатель показывает физическое и душевное состояние Юрия Живаго. Впервые за долгое время он чувствует теплоту вокруг себя, ему хорошо и покойно, и даже каждое его движение, описанное в романе, наполнено любовью: «Мир был на душе у доктора. Он вернулся в светлую, тепло истопленную комнату и принялся за писание. Разгонистым почерком, заботясь, чтобы внешность написанного передавала живое движение руки и не теряла лица, обездушиваясь и немея, он вспомнил и записал в постепенно улучшающихся, уклоняющихся от прежнего вида редакциях наиболее определившееся и памятное – «Рождественскую звезду», «Зимнюю ночь» и довольно много других стихотворений близкого рода, впоследствии забытых, затерявшихся и потом никем не найденных».

Стихи в этом эпизоде романа – олицетворение того спокойствия и счастья Юрия Живаго. Как известно, желание писать просыпается только тогда, когда есть муза, когда вокруг царит волшебство. Доктор писал, а строки так и «лились», что, несомненно, говорит о его спокойствии. Он буквально «вошёл» в стихи, стал их частью, а вскоре «он испытал приближение того, что называется вдохновением».

«Язык – родина и вместилище красоты и смысла – сам начинает думать и говорить за человека», – пишет Пастернак. Легко выписывая очередную строку на бумаге, Юрий Андреевич чувствовал, что «главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им». Человек – лишь «опорная точка», которая помогает поэзии сделать ещё один значимый для всего человечества шаг, даёт оттолкнуться и творить, творить, творить всё новые прекрасные вещи. Благодаря чувству своей небольшой значимости в этом процессе, Живаго

«избавлялся от упрёков самому себе, недовольство собою, чувство собственного ничтожества на время оставляло его».

Сейчас читатель ясно видит его душевное состояние и понимает: он любит и любим, наступил наконец-то покой: «Он оглядывался, он озирался кругом. Он видел головы спящих Лары и Катеньки на белоснежных подушках. Чистота белья, чистота комнат, чистота их очертаний, сливаясь с чистотою ночи, снега, звёзд и месяца в одну равнозначительную, сквозь сердце доктора пропущенную волну, заставляла его ликовать и плакать от чувства торжествующей чистоты существования». Пастернак показывает нам, читателям, какая появляется лёгкость в сердце Живаго после тех ужасных лет войны, после всех потрясений, что пришлось ему пережить: «Господи! Господи! – готов был шептать он. – И все это мне! За что мне так много?».

В конце эпизода тревога возвращается к Юрию вместе с «утробно-скулящим» воем волков. Волки – вестники неприятностей, а жизнь – круговорот, в котором всё неизбежно повторяется: счастье сменяется унынием, и наоборот. Понимает это и наш герой, что сразу же сказывается на его настроении: больше ему не писалось. А лампа, горевшая всё это время, погасла. Погасла, как и надежды Доктора Живаго на спокойное, безмятежное будущее, в котором два любящих сердца всегда вместе, несмотря ни на что.